УДК 94 (470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-29-35

ХАТОКШОКО МАГОМЕТ АША: ВСТУПАЯ НА ПУТЬ ЛЕГЕНДЫ

Алоев Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

Уже более полутора веков фигура Хатокшоко Магомет Аша является одной из центральных в черкесском историческом сознании. Незаурядность его личности была признана еще современниками; если черкесы славили его имя и слагали в его честь песни, то и среди тех, кто с ним встречался на поле брани (хотя и не только там) в качестве противника его рыцарственные достоинства не оставались незамеченными. Однако жизнеописание этого персонажа до настоящего времени не становилось предметом специального исследования.

В данном тексте предпринята попытка реконструкции начальной стадии становления, узнаваемого в рамках черкесской культурной традиции образа безупречного мужа. Следует отметить, что решающую роль в выстраиваемом повествовании сыграли данные фольклора. Прежде всего речь идет об устных сообщениях жителей «Ульского аула» (современный Уляп в Республике Адыгея) с которыми неразрывно связан исторический дебют рассматриваемого персонажа. Также примечательными оказались интерпретационные возможности, открывшиеся при анализе песни номинально посвященной другому черкесскому воителю Аджджериюко Кушуку. В соотнесении этих данных с контекстом исторической ситуации, формируемым письменными источниками и решалась поставленная задача выяснения обстоятельств, определивших реноме князя с самого начала его вступления на историческую авансцену.

Ключевые слова: Хатокшоко Магомет Аша, князь, жизнеописание, черкесы, война, Кабарда, историческая песня

При описании жизнедеятельности людей, обладающих ярко выраженной исторической репутацией, исследовательская оптика, как правило, центрирована на выявлении драматических жизненных изгибов, непоследовательности поступков, неоднозначности психологического портрета или разнохарактерности социальной роли в зависимости от места, времени и обстоятельств действия объекта внимания. Иными словами, всякого рода нетипические проявления и нестандартные черты, выламывающиеся из нормативной модели и так или иначе накладывающиеся на действующую в конкретных исторических обстоятельствах личность подсказывают линии развертывания интерпретации. В этом отношении попытка жизнеописания князя Хатокшоко Магомет Аша с самого начала упирается в непредвиденное препятствие – устоявшийся образ chevalier sans peur et reproche*. Показательно при этом, что черкесская иконография и российский нарратив комплементарны друг другу и вместе образуют и поддерживают конвенциональный образ эталонного рыцаря. В рамках настоящего текста предполагается обращение к первым шагам этого персонажа на стезе рыцарских свершений.

Несмотря на то, что Магомет Аша является отпрыском, пожалуй, наиболее известного кабардинского княжеского дома Хатокшоко довольно сложно однозначно ответить к какой ветви этой династии он принадлежит. Источники начала

* Рыцарь без страха и упрека (фр.)

XIX в. несколько раз фиксируют имя Хатокшоко Магомета («Магомет Атажукин»). Самое раннее из них наводит на мысль, что речь идет о сыне лидера черкесского Сопротивления первого десятилетия девятнадцатого столетия Хатокшоко Адилгирее [Сборник документов... 2003: 47]. В списках князей и уорков Кабарды составленных Шардан Якубом в 1825 г. упоминается живший на р. Шалушка и «бежавший за Кубань» человек с таким именем [Сборник документов... 2003: 71]. В подобном списке, составленном спустя четыре года, в августе 1829 г. опять фигурирует Хатокшоко Магомет. Единственная новая деталь которая обнаруживается в нем касается его возраста. Согласно документу к этому времени ему было 19 лет [Сборник документов… 2003: 151]. Принимая во внимание свидетельство Ф.Ф. Торнау встречавшегося с Магомет Аша в начале 1837 г. тот был «одних лет с ним» [Торнау 1999: 291]. Самому российскому офицеру тогда было 26 лет. Данное обстоятельство позволяет с наибольшей вероятностью отождествить с ним знаменитого черкесского воителя. Однако следует учесть, что в этот список попали, как можно полагать, князя не вовлеченные к этому времени в хаджретское движение. (Вместе с тем, принимая во внимание то обстоятельство, что в свои списки Шардан Якуб иногда ошибочно вносил персонажей, которых в оккупированной части Кабарды уже не было можно допустить возможность огреха и в данном случае.) По крайней мере источники говорят о вовлеченности Магомет Аша в хаджретское движение с середины 20-х гг. XIX в. Отталкиваясь от вышеприведенного наблюдения русского разведчика можно говорить о том, что в это время молодому князю вряд ли было больше 16–17 лет. Разумеется, учитывая сведения Ф.Ф. Торнау, следует помнить, что они были записаны спустя десятилетия и в связи с этим могло быть допущено определенное искажение возраста князя. С другой стороны, нельзя исключить и возможности несовпадения реального биологического возраста Магомет Аша и его «воспринимаемого» облика. В любом случае на вопрос о возможности его участия в рискованных предприятиях на острие боестолкновений в ходе конкретных операций отвечает достаточно обширная фактография черкесской военной культуры Средневековья и Нового времени. Для пущей ясности вспомним только одного героя великого Каламбия: «Четырнадцати лет Джераслан участвовал в набегах, видел не раз человеческую кровь и с юношеским пылом порывался всюду, где можно было подраться [Каламбий 1998: 116]. (Как может не показаться удивительным, но так получилось, что этот литературный герой, согласно фабуле каламбиевского текста оказался вместе с Магомет Аша в одном реальном сражении, которое мы затронем в другой работе.)

Согласно как фольклорным, так и нарративным данным, Хатокшоко Магомет Аша приходился племянником (по-видимому, как и Аджджериюко Кушук) князю Карамурзе Али [Потто 1904: 197; Мехмет Риза Чанак: 2019]. И, якобы, именно при разгроме аула последнего в апреле 1825 г. он получил ранение руки из-за которого впоследствии получил прозвище Iэшэ/Аша (сухорукий, косорукий, беспалый, безрукий) [Мехмет Риза Чанак: 2019]. Письменные источники не упоминают об этом. Однако, они подробно сообщают об обстоятельствах его яркого дебюта на поприще рыцарских свершений. И связаны они были непосредственно со столь трагичным и прочно закрепившемся в черкесском историческом сознании событием. Как неоднократно отмечалось в исследованиях, бесленеевский уорк Дохшоко Крымгирей незадолго до подхода русских войск предупредил князя Карамурзу Али о надвигающейся беде. Небеспристрастные к данному сюжету жители бесленеевского аула Уляп спустя много лет описывали миссию своего тлекотлеша примерно в следующих словах. «Еще накануне вечером, когда совершенно стемнело, в аул Карамурзина (Къэрэмырзей. – *Т.А.*) прискакал незнакомый всадник, весь закутанный башлыком и буркою. Он тихо постучал в оконце княжеской сакли, и, вызвав самого Карамурзина (Карамурзу Али. – *Т.А.*), отвел его в сторону. ”Я служу русским, – сказал он, – но судьба детей и женщин твоего аула внушили мне

жалость. Спасайте семьи. Сегодня или завтра нагрянут на вас русские – их ведет Вельяминов”. Заметив на лице князя раздумье, он прибавил: – “Поступай как знаешь. Я предупредил тебя и теперь еду к русским”. – “Скажи, как твое имя ? спросил Карамурзин”. – “Я бесленеевский уздень Крым-Гирей Довшоков (Дохшоко Крымгирей. – *Т.А.*), отвечал незнакомец, и, ударив коня плетью, скрылся из виду“.

Карамурзин тотчас собрал на совет стариков, но его никто не послушал. ”Сколько раз – говорили они, – нас поднимали ночью, заставляли бежать и всегда напрасно; ни Вельяминов, ни Коцарев никогда не доходили до нас. Мы живем позади бесленеевцев, которые не пропустят русских, да и русские не пройдут мимо, чтобы их не ограбить; следовательно, уйти всегда будет время». Карамурзин уступил этим доводам. “Хорошо, – сказал он, – я останусь с вами. Но если меня сегодня убьют, то передайте всем, что Крым-Гирей Давшоков предупреждал вас“» [Потто 1904: 191].

Последующее В.А. Потто описывает следующим образом. «Тревога, поднятая в ауле, мало по малу утихла, огни в саклях погасли и жители заснули безмятежным сном. Довшоков между тем возвратился назад и застал отряд еще на месте. Он сообщил Вельяминову, что ездил в аул Карамурзина, но никого не застал: кабардинцы уже удалились в горы”.”Известие это, – говорит Вельяминов, – показалось мне странным; я усомнился в нем, потому что войска шли по ночам и весьма скрытно; хотя и за всем тем движение их могло быть как-нибудь замечено или открыто посредством армян, торгующих на меновых дворах, но намерение мое напасть на аул Али-Карамурзина никак не могло быть известным, ибо множество других аулов имели столько же причин опасаться нашего нападения. Я решился идти далее с тем, что если не удастся напасть на аул, то по крайней мере заставить его совсем уйти к абадзехам, где кабардинцы находятся в весьма стесненном положении» [Потто 1904:192].

Согласно рассказу Уляпских жителей «В это время к Вельяминову подъехал другой лазутчик Шавгуров (Шогур. – *Т.А.*) и шепнул ему на ухо: “Не верь Давшокову: он изменник и лжет. Я сейчас поеду сам и узнаю правду; никто не мог предупредить Карамурзина“. К вечеру он вернулся и сообщил, что аул стоит на месте» [Потто 1904: 192].

Вскоре войска были двинуты на аул и их нападение вылилось в невиданное побоище, в основном мирного населения, которое навсегда врезалось в память черкесского народа. Поступок Шогур огласился по всей воюющей Черкесии и имя его стало синонимом вероломства. «Спустя немного времени после убийства своего дяди», Хатокшоко Магомет Аша «подстерег Шавгурова, когда тот выехал из своего аула и положил его на месте выстрелом из винтовки». «По княжескому обычаю он снял с убитаго оружие, положил его подле трупа, накрыл тело буркой и, стреножив коня, пустил его возле. Один мирный кабардинец случайно наткнулся на убитаго и поднял тревогу. Из аула выскочили жители, но никого не нашли – все поняли, что это была месть» за Карамурзу Али [Потто 1904: 197] Впоследствии, когда Магомет Аша спрашивали, как он убил злодея тот скромно отвечал: «Ержыбыжьыр гъуэгъуащ, Шогъурыжьыр гъуэгащ» («Ержиб (марка черкесского ружья. – *Т.А.*) старый прогремел, Шогур подлый заревел») [Марзей 2004: 168].

С учетом данных обстоятельств неудивительно, что имя Хатокшоко Магомета предстает в качестве одного из центральных в развернувшихся с наступлением осени в оккупированой части Кабарды боев. Они предстают, с одной стороны, как продолжение дела погибшего Карамурза Али (переселенческое движение кабардинцев на левобережье Кубани) и, в известной мере, как возмездие за апрельский погром его аула (разгром 29 сентября 1825 г. селения Солдатского). И то, и другое источники неразрывно связывают с именем Хатокшоко Магомета. Хотя в литературе имеются намеки на то, что на фоне напряженного противостояния в центральной Кабарде во второй половине 1825 г. речь может идти и о князе

Магомет Аша [Потто 1994: 477] и нельзя исключать его активной роли как при разорении Солдатского так и при развертывании череды кавалерийских операций сил черкесского Сопротивления против сконцентрированных в оккупированной части Кабарды русских войск все же определенно можно сказать, что протагонистом не меньшего масштаба, в контексте короткого периода осени начала зимы 1825 г. предстает другой его полный тезка Хатокшоко Магомет. На данном этапе безукоризненная дистинкция и уверенная идентификация персонажей-тезок в контексте эффективных действий черкесской конницы из «операционной базы» в Чегемском ущелье с сентября по начало зимы 1825 г. представляется чрезвычайно затруднительной.

Предстающая ввиду недоступности (по крайней мере, на данном этапе) письменных источников в которых фигурировало бы имя Хатокшоко Магомет Аша последующее пятилетие его жизни на первый взгляд образуют биографическую цезуру. Однако обращение к черкесскому фольклору и препарирование его данных в соотнесении с общей канвой военно-политической динамики в регионе в котором хаджретский фактор на десятилетия стал определяющим, думается позволяет эксплицировать позицию рассматриваемой фигуры в тогдашней актуальной политической повестке. Выстраивая отправную точку рассуждений о жизнедеятельности персонажа и реконструкции социального облика Магомет Аша в этот период правомерно избрать вариант опубликованной в 1918 г. в газете «Адыгэ макъ» песни «Ажьджэрий и къуэ Кушыкупщ» («Князь Аджериюко Кушук»). Она начинается так:

«ЗекIуэ шухэр щыдэшэсыкIкIэ,
Шу джакIуэхэр (уэ) кIэлъагъакIуэ;
Пхъэр шухэр къыщыкIэлъыкIуэм,
Iэрубыдхэр къытхухэзыш, –
А шур хэтхэ ящыщ жыпIэмэ,
ХьэтIохъущокъуэ Мыхьэмэт Iэшэщ!»

В работе З.М. Налоева «Адаб Баксанского культурного движения» (Нальчик, 1991) дается следующий перевод данных строк:

«Походные всадники, когда на коней садятся,
Всадника-приглашателя за ним посылают;
Всадники погони, когда за тобой шли,
Пленных кто нам выводит –
Это всадник из рода какого, если спросишь,
Хатокшоко Магомет Криворукий это!»

[Налоев 1991: 282–285]

Ключевое значение с точки зрения задач настоящего текста имеет редакторская ремарка к этой песне, важность которой оценили в свое время Б.М. Керефов, и Р.У. Туганов [Торнау 1999: 408]. Публикуя песню, Нури Цагов посчитал необходимым предварить ее текст следующими пояснениями: «В старину кто бы [из отряда] ни совершал подвиг, [песню] заказывали на имя старшего. Эта песня о Хатокшоко Магомете Криворуком [хотя главным ее героем является Аджерия сын Кушукупш] [Налоев 1991: 284]. Совершенно очевидно, что артикуляция подобного обстоятельства не могла быть случайной. Принимая во внимание канонический порядок исполнения песни, предполагающий предварительный рассказ о событийной канве лежащей в ее основе, представляется очевидным, что Нури Цагов не мог допустить эксплицитного выражения формально неочевидного обстоятельства без санкции референтной инстанции т.е. носителя / сказителя / певца. В пользу правомерности цаговской ремарки косвенно говорит и препарирование

текста «Аджигерийко Кучук-пши» в книге «Кабардинский фольклор» (1936). Несмотря на несколько иной, в целом более удачный, перевод текста здесь наблюдается практически идентичное начало песни:

«Если всадник садится на-конь,
За кем тогда шлют верхового ?
А если враг за тобою мчится,
Кто мигом берет его в плен ?
Вы спросите имя героя:
Это – Итоков Матыра»

[Кабардинский фольклор 2000: 413]

Как можно заметить, отличие между двумя вариантами песни опубликованных с хронологическим промежутком в восемнадцать лет относится только к имени героя. Составители книги сопроводили данную новеллу следующими комментариями: «Тлхукотл Итоков Матыра был одним из подчиненных Кучука, совершавшим геройские подвиги. Но все его подвиги гегуако приписал предводителю, – так «делалась» история» [Кабардинский фольклор 2000: 611]. Учитывая время и обстоятельства публикации, когда деформация имен (представителей «эксплуататорского класса») аутентичного текста не была чем-то недопустимой (и о чем нам уже приходилось писать) [Алоев 2019: 88] представляются очевидными идеологические мотивы подобных «интерпретаций». Ведь «восславление» в рамках одного произведения сразу двух знаковых фигур феодальной Черкесии оборачивалось откровенной апологией рыцарского (читай «княжеско-дворянского») мифа со стороны «угнетенных» масс. Представляется, что вымуштрованные к середине 1930-х гг. в соответствии с установками чуткого к классово чуждым проявлениям идеократического режима «работники советской науки» не могли пренебречь опасностями, таившими в себе подобный недосмотр. Непонятно, стал ли фальсификат продуктом самоцензуры составителей сборника или же результатом злой воли сил, напрямую к науке отношения не имеющих. Определенно можно говорить лишь о злоумышленном препарировании текста песни путем «переназывания» «неудобного» имени (сопровождавшееся введением «удобной» легенды для него). Можно полагать, что в подобной процедуре была усмотрена возможность избегания неминуемого эффекта глорификации аристократического габитуса из-за встроенности в текст песни семантического модуля, связанного с Магомет Аша, как бы «удваивавшего» значимость проповедуемой черкесской знатью «рыцарской стези». Однако фабрикации казенного дискурса еще долго оставались бессильными радикально деформировать ороакустическое пространство черкесской культуры.

В ходе одной из фольклорных экспедиций, в 1973 г. в одном из хаджретских сел была записана очередная версия «Аджджэрий и къуэ Кушыку и гъыбзэ» («Плач о Кушуке, Аджджерия сыне») [НПИНА 1990: 56–63]. В строфах песни не просто упоминалось имя князя – его образ явлен как обладатель присущей именно ему доблести («Егъэзыгъэри дэ къытхудэзыхыр ХьэтIохъущокъуэкIэрэ Мыхьэмэт Iэшэти». В книге дается следующий перевод: «В беду попавших выручает Хатокшоко Магомет Косорукий», но представляется семантически более выверенным: «В беде спасение доставляющий…»). Это уточнение важно с той точки зрения, что именно данная характеристика стала одной из неотъемлемых элементов, сформировавших «финальный» образ князя в черкесском культурном контексте. Для решения задач настоящего очерка разъяснение вышеизложенных обстоятельств было необходимо и по той причине, что мы знаем дату смерти князя Аджджериюко Кушука. Хронологически это событие относится к первым месяцам 1830 г. [Алоев 2011: 26]. Соответственно, устоявшееся амплуа Хатокшоко Магомет Аша зафиксированное в песне/песнях, сложенных не позже этого времени, позволяет

предполагать его активное участие в мощных ударах черкесской кавалерии по имперской военной линии в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Не случайно В.А. Потто впервые упомянув князя Магомет Аша в третьем томе «Утверждения русскаго владычества на Кавказе» в связи с военными действиями 1825 г. в примечаниях посчитал нужным предупредить читателя о том, что «С ним мы еще не раз будем встречаться при описании дальнейшей борьбы нашей на правом фланге» [Потто 1904: 197]. Лишь приостановка реализации программы издания исторического труда не позволила В.А. Потто осуществить свое намерение.

В общих чертах таким представляется начало пути cognomine* князя Хатокшоко Магомет Аша.

Источники и литература

1. *Алоев Т.Х.* Особенности динамики военно-политического положения хаджретской Кабарды в условиях трансформации международного статуса Закубанья (середина 1829–1830 гг.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. № 2 (162). 2011. С. 25–29.
2. *Алоев Т.Х.* Ходзинское кровопролитие 1868 г.: взгляд сквозь призму черкесской песни // Вопросы кавказской филологии. Вып. 12. Нальчик, 2019. С. 79–92.
3. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. 649 с.
4. Каламбий. Записки Черкеса. Нальчик, 1988. 271 с.
5. *Марзей А.С.* ЗекIуэ – черкесское наездничество (Из истории военного быта черкесов XVIII – первой половине XIX века.) Нальчик, 2004. С. 168. 505 с.
6. Мехмет Риза Чанак (Жэнакъ Мэмэт) – информатор, 1961 г.р., место рождения село Каракуй (Къундетей), округ Пинарбаши, ил Кайсери, Турецкая республика.
7. *Налоев З.М.* Адаб баксанского культурного движения. Нальчик, 1991. 440 с.
8. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. II. М., 1990. 487 с. – НПИНА
9. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897 гг. Т. II. 484 с.
10. *Потто В.А*. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. 686 с.
11. *Потто В.А*. Утверждение русскаго владычества на Кавказе. Т. III. Ч. II. Тифлис, 1904. 590 с.
12. *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. 507 с.

HATOKSHOKO MOHAMMED ASHA: EMBARKING ON A LEGEND

Aloev Timur Khazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

For more than a century and a half, the figure of Hatokshoko Mahomet Asha has been one of the central figures in the Circassian historical consciousness. The extraordinary nature of his personality was recognized by his contemporaries; if the Circassians praised his name and composed songs in his honor, then among those who met him on the battlefield (although not only there) as an adversary, his chivalrous merits did not go unnoticed. However, the biography of this character to date has not become the subject of special research. n this text, an attempt is made to reconstruct the initial stage of formation, recognizable in the framework of the Circassian cultural tradition of the image of an impeccable husband. It should be noted that folklore data played a decisive role in the narrative. First of all, we are talking about oral reports of residents of the Ulsky Aul (modern Ulyap in the Republic of Adygea) with which the historical debut of the character in question is inextricably linked. Also noteworthy were the interpretative possibilities that opened up when analyzing a song nominally dedicated to another Circassian warrior Ajzheriyuko Kushuk.

* По призванию (лат.)

In correlation of these data with the context of the historical situation formed by written sources, the task was set to clarify the circumstances that determined the prince's reputation from the very beginning of his entry into the historical proscenium.

Keywords: Hatokshoko, Mohammed Asha, prince, biography, Circassians, war, Kabarda, historical song.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-29-35